

Время, однако, показало: достоинство любой социальной доктрины непосредственно связано с тем, в какой мере она соотнесена с человеком. Заговорили о примитивном понимании человеческой природы в социалистическом учении. Все чаще оказывалось очевидным, как непоправимо и длительно мстит за себя пренебрежение к философскому постижению человека. Философская антропология становится модной: вслед за Институтом человека создаются и другие структурные подразделения, призванные распознавать тайну человека.

Можно ли полагать, что с прежней недооценкой философской антропологии покончено? Увы, глубокого переворота в философском мышлении не произошло. Напротив, возникло даже известное разочарование по поводу ее первых результатов. Вот, скажем, идея комплексного изучения человека. Выдвинутая еще в 30-е годы, она сегодня завладела общественным сознанием. Кажется, что проще: объединим усилия философов, биологов, психологов, социологов — и получим некое обобщенное целостное знание о человеке...

Между тем комплексные усилия далеко не всегда рожают глубокие и радостные итоги. Это заметили уже многие отечественные специалисты, потерявшие интерес к синтезу накопленных сведений. Дело в том, что предпосылки и выводы различных конкретных дисциплин зачастую несовместимы. Если, скажем, экономика допускает, что человек способен к рациональному выбору, то психология исходит из того, что мотивы человеческого поведения в большей степени иррациональны. Социология рассматривает человека как чрезвычайно пластичное существо, способное к различным общественным адаптациям; психология в противовес данной установке ищет стабильные характеристики психики, которые обеспечивают постоянство поведения личности внутри любой эпохи. Биология пытается доказать неизменность человеческой при-

роды, историки же, наоборот, проявляют интерес к тому, как под влиянием культурных факторов преобразуется человеческое естество...

Стало быть, сущность человека не выражается полностью в любом антропологическом феномене. Эту мысль в середине XX столетия хорошо выразил Э.Кассирер: «В итоге наша современная теория человека утратила свой интеллектуальный центр. Взамен мы достигли полной анархии мысли... Реальный кризис проблемы обозначился с того момента, как перестала существовать центральная сила, способная направлять все индивидуальные усилия. Тем не менее первостепенная важность проблемы была прочувствована во всей совокупности различных ветвей познания и исследовательской работы. Но при этом исчезла сама возможность апелляции к некоей авторитетной инстанции. Теологи, ученые, политики, социологи, биологи, психологи, этнологи, экономисты — все подступали к проблеме с собственных точек зрения. Сочетать или соединить все эти частные аспекты и перспективы не было никакой возможности... Такова странная ситуация, в которой находится современная философия»¹.

Не случайно желание отечественных исследователей как можно быстрее обрести плоды плодотворного синтеза различных научных подходов обернулось пока разочарованием. Мнилось: пусть конкретные дисциплины накопят разноречивые сведения, а мы, философы, вооруженные идеей целостности человека, произведем продуктивный синтез, так сказать, обобщим эмпирию фактов.

Парадокс, однако, состоит в том, что наиболее значительные интуиции о человеке складываются в философии вовсе не на фундаменте конкретных наук, а зачастую вопреки им. Возьмем для иллюстрации прошлый век. Стремительное развитие биологии приводит к убеждению, что в человеке как природном существе нет никакого значительного своеобразия. Он представляет собой завершение эволюционного развития и с этой точки зрения от-

личается от других живых созданий. Позитивизм, опираясь на эти данные, постулирует идею совершенства человека как биологического организма.

В противовес этой точке зрения формируется иная философская установка. Она возникает как догадка и совершенно устраняется от открытий биологии. Сначала А.Шопенгауэр, а затем Ф.Ницше задумываются над странностью человека как живого существа. Путем чистого философского умозрения формулируется мысль о том, что человек, вероятно, выпадает из цепи природных творений. Напротив, если допустить, что человек — уже установившееся животное, то ничего, кроме халтуры природы, не получается.

Философы жизни выдвигают идею о том, что человек — это еще не установившееся животное (Ф.Ницше). Отсюда догадка, что в биологической эволюции нет никакого предустановленного плана. Человек вовсе не замыкает некую природную цепь, а попросту выпадает из ее звеньев. Все, что оценивается как приобретение человека, на самом деле процесс его вырождения. Эти суждения радикально преобразовали философскую антропологию. Предположения философов жизни оказали огромное воздействие на научные представления нашего века².

Итак, значительные прозрения философской антропологии возникают нередко вопреки «комплексности». Напротив, желание «поднакопить фактуру» и затем перейти к синтезу часто оборачивается длительным теоретическим застоем. Разумеется, здесь нет установки отрешиться от внушительных успехов конкретных наук в постижении человека. Наоборот, содержится призыв развивать антропологическое воображение...

Но как приступить к этому отечественным исследователям, в головах которых так цепки еще социоцентрические предубеждения? Мы все еще убеждены, что только общество формирует человека. Между тем человек еще

до истории был уникальным созданием. Он представляет собой особый род сущего... Его природа оказывает всепроникающее воздействие на культуру и социум.

Без этих предпосылок мы никогда не поймем, почему в западной философии происходит внушительный «антропологический поворот»... Общие признаки этого процесса очевидны: они проявляются в обостренном интересе к проблеме человека, в возрождении антропоцентрических по своему характеру вариантов исследовательской мысли, в выработке новых путей философского постижения человека.

Но почему именно сейчас, на исходе XX столетия, обнаружился такой интенсивный запрос на распознавание специфически человеческого? Что принципиально нового несет в себе антропологический ренессанс? Постановка этих вопросов вводит нас в сложное проблемное пространство.

Напряженное внимание к феномену человека вызвано прежде всего потребностью индивида постоянно решать жизненные проблемы, возникающие в контексте его повседневного существования. Эти проблемы оказались сегодня весьма острыми. Вряд ли за всю историю человечества найдется поколение, которое так лишено почвы под ногами, как нынешнее. Любой выбор нередко представляется одинаково невыносимым. Почему человек наших дней, вооруженный знанием, находится в потоке невероятных монстриальных видений? Отчего конец очередного тысячелетия сопряжен с неотвязными апокалипсическими предчувствиями?

Каковы же приметы современного апокалипсиса? Это прежде всего крушение классической рационалистической традиции. Великие умы прошлого задумывались над тем, как выстроить человеческое общежитие по меркам разумности. Но идеал рациональности, который на протяжении многих веков питал западноевропейскую философию,

фию, испытывает сегодня серьезные потрясения. Люди ищут средство жизненной ориентации отнюдь не в разуме, а в мифе, интуитивном прозрении.

Крах классического рационализма очевиден. С лучшими намерениями, но с наивным недостатком реализма, рационалист воображает, что небольшой дозы разума достаточно, чтобы исправить мир. Сознательный человек в одиночку борется с превосходящими его силами. Мы, великовозрастные дети эпохи Просвещения, еще в начале века надеялись, что разум своей всепроникающей мощью устранил зло современного мира. Первая мировая война развеяла эти иллюзии. Оказалось, что человечество было вовлечено в бойню, которой не хотел ни один народ. Однако война разразилась, показав, что человеческий род вполне может истребить сам себя. Это было едва ли не первое провозвестие грядущего апокалипсиса.

Многие современные философы заговорили о потерянности человека. Какое зловещее открытие нашего столетия! Человек, оказывается, поступает безотчетно, не соотносясь с резонами разума. Его психика — огромноеместилище полуосознанных тревог, вязких страхов. Достаточно пустячного повода, и разрушительные предчувствия охватывают все существо человека.

В канун второй мировой войны психологи, столкнувшиеся с чудовищами, которые внутри нас, еще надеялись на ресурсы психотерапии: можно, вероятно, освободить человека от навязчивых фантазий, от излишней эмоциональности, вразумить относительно неоправданности тревоги... Но в сознании выдающихся умов столетия вызревала уже иная мысль: человек фатально заражен собственными видениями. Возникнув однажды, эти кошмары уже не отпускают сознание. Страх неизбывен. Он повсеместно подстерегает нас. Его питают постоянные латентные тревоги. Никогда прежде люди не ощущали такой подорванности разума, его неспособности быть нравственной и духовной опорой, как сейчас. Выход на историческую арену

атомизированной толпы, зараженной инстинктами безотчетной ненависти, слепой ярости, свидетельствует о том, что в массовом обществе нет культа интеллектуализма. Напротив, живет подсознательная жажда расправы...

Расшатанность психики, крах рационалистической традиции, угроза самоистребления человечества — приметы современного апокалипсиса. Наука сегодня, как может показаться, приблизилась к распознаванию важнейших секретов природы. И вместе с тем открывается бездна непостижимого. Порою возникает подозрение, что наука ведет человечество по ложному пути. Архетип разумного человека ставится под сомнение.

Мартин Хайдеггер не случайно отмечал, что наука вряд ли сможет раскрыть тайны человеческого бытия, коль скоро она не способна понять пределы и смысл собственного развития. Наука утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия. Духовные корни науки оказались отсеченными. Она во многом потеряла метафизическое, нравственное измерение. Поэтому возникает недоверие к современному научному постижению человека, к тем перспективам, которые оно открывает.

Уже сегодня мы создаем те специфические черты, которые завтра станут нормой. Это означает, что люди станут контролировать рождаемость, выбирать пол будущего ребенка, создавать человеческую жизнь прямо в лаборатории.

Но эта способность ученых творить «новую жизнь» вызывает и тревогу. Воскрешаются теории о неполноценности отдельных рас. Предлагаются проекты такого социального устройства, которое позволит на базе новой техники формировать касты «рабов» и «господ». Кажется, будто возможности «конструирования» человеческого организма беспредельны. Однако философское постижение человека рождает и другую мысль: человека как уникальное живое существо нельзя заменить искусственной конструкцией — можно воспроизвести монстра, но не живое мыслящее уникальное существо.

Серьезные опасения вызывает возможность сращения генов. Возьмем, скажем, опыты по гибридизации вирусов, когда «тело» берется от одного вируса, а его «начинка» — наследственный аппарат — от другого. Последствия такого эксперимента далеко не всегда предсказуемы. А встраивание чужих генов в молекулу ДНК — носительницу наследственности? В итоге возникают существа, которые вовсе не известны природе.

Биотехнология демонстрирует возможности «генной машины», которая расшифровывает последовательность аминокислот любого белка. Достаточно ввести в машину желаемый генетический код, как ген окажется автоматически синтезированным. Он будет введен в бактериальную клетку, где и будет вырабатывать нужный белок. Применение такой техники в генной инженерии оказывает такое же воздействие на биологию, как в свое время изобретение компьютеров и развитие вычислительной техники — на математику. Биологи планируют создание генетической библиотеки человечества, эталонного каталога здоровой наследственности. Масштабы экспериментов огромны, между тем сама тайна человеческого остается закрытой...

Население земного шара стремительно растет. Но улучшается ли при этом генотип? Ученые с тревогой обсуждают вопрос об утрате человеком его природных качеств. Снижаются андрогинные³ способности мужчин. Женщины часто не могут зачать, выносить или вскормить ребенка. Родилось даже новое понятие — эпидемия бесплодия. Вместе с тем рождается догадка — не движется ли человечество к вымиранию естественным путем? Нет ли угрозы «человеческому» в истощении генного фонда, искажении биологических задатков, непредвиденных мутациях?

Катастрофическое разрушение природной среды, интенсивное ее заражение ядерными и иными отходами, оскудение привычного ландшафта, неожиданное распрост-

ранение пандемий, грозящих опустошить Землю, — все это ставит человека в ситуацию предельно критическую, когда рождается ощущение тотальной незащищенности жизни людей, возможной гибели всего человечества. Такая ситуация несомненно побуждает к размышлению, к попыткам осознать сложившуюся реальность.

Перспективы генетической инженерии, совершенствование средств, ведущих к искусственному производству потомства, изобретение препаратов, изменяющих личность, трансплантация органов, в особенности искусственных, — все это, разумеется, разрушает традиционное представление о биологической природе человека. И вместе с тем как никогда ранее показывает чрезвычайную сложность человека, его уникальность как явления природы, хрупкость и т.д.

Подвергается трудноотвратимой опасности не только биология человека. Болезненную остроту приобретают психологические проблемы. С глубокой древности разрабатывались методы управления человеческим поведением. В XX в. возникло убеждение, что возможности манипулирования человеком едва ли не безграничны. Можно с помощью психотропных средств, массовой пропаганды, приемов суггестии запрограммировать человеческое поведение.

Вместе с тем рождается предположение, что проникнуть в ядро человеческой психики крайне трудно, а порою и просто невозможно. Даже в состоянии гипноза индивид не преступает пределов ценностных предпочтений, обнаруживает странную неподатливость поведения. В глубинах своего естества человек остается неизменным, не поддающимся внешнему воздействию.

Стремление вытравить из человека личностное содержание нередко оборачивается неожиданным эффектом. В гитлеровских концлагерях пытались создать идеального заключенного, способного безропотно выполнять все команды. Этой цели фашисты добивались изо всех

сил. «Но вот незадача: «идеальный заключенный», как правило, оказывался совершенно нежизнеспособным существом. После «ампутации личности» в нем разрушались также качества индивидуальности: атрофировались способности, затухала память, притуплялся даже инстинкт самосохранения. «Идеальный заключенный» был истощен, но не испытывал чувства голода, пока надзиратель не крикнет: «Ешь!» Он двигался машинально, безропотно, слабел и, наконец, что называется, «весь вымирал»⁴.

В философско-антропологической литературе сложилось убеждение, будто социально и психологически обусловленный конформизм не имеет предела. Однако постепенно выяснилось, что обработка сознания людей захватывает лишь внешнюю оболочку психики. Конформист легко усваивает привычные стандарты, трафаретно воспроизводит их. Но его собственное внутреннее содержание равно нулю. Поэтому оно оказывается малопродуктивным и для тотальной манипуляции. В нем нет устойчивого ядра, которое складывается в результате самостоятельной работы мысли.

Человек, попросту говоря, утрачивает представление о самом себе. Он нередко устремляется в русло психологических экспериментов с собственным сознанием. При этом обнаруживается, что широкое применение психотропных средств способно вызывать радикальные преобразования в человеческой психике, а в перспективе — вообще создать мир причудливых мистификаций, подменяющих реальность.

Философы обсуждают сегодня не только проблему биологической ущербности человека, его психологической подорванности. С опаской осмысливается вся человеческая субъективность, присущий человеку мир мысли, воли, чувства... Не рождает ли ум безумие? Не является ли интеллект причиной деформации сознания? Сегодня воля и чувства человека представляются опасными. Не заложен ли в человеке какой-то неустранимый разруши-

тельный импульс? Он растерзал природу, ведет бесконечные братоубийственные войны. В нем сильны некрофильские тенденции, т.е. тяга к смерти. Как ни страшны идеи жестокости и разрушения, связанные с одержимостью, мстительностью, фанатизмом, куда опаснее все же проявления некрофильства, которые порождены сознательной ориентацией людей на идеи ненависти и убийства.

Философское размышление о человеке в еще большей степени стимулируется мировоззренческими факторами. Современная биология, психология, культ урология, история, этнография, как уже отмечалось, накопили множество разноречивых сведений, которые требуют анализа, философской рефлексии. Не содержится ли здесь подготовка к новому этапу понимания человека или синтез здесь принципиально исключен? Возникает вопрос о целостности человека как феномена.

Наиболее проникательным мыслителям нашего столетия предельно ясно теперь, что люди на протяжении веков больше задумывались о природе, космосе, бытии, обществе, нежели о самих себе. Тайна человека, разумеется, всегда приковывала мудрецов. Но далеко не всегда осознавалось, что антропологическое возрождение — без глубинного постижения человека, его природы и предназначения — не обретет необходимой метафизической полноты и целостности.

За последнее время интерес к философско-антропологической теме в отечественной литературе значительно возрос. Появились исследования, авторы которых обратились к изучению отдельных философских направлений Запада и истолкования человека в этих течениях. В трудах А.С.Барулина, И.С.Вдовиной, Б.Т.Григорьяна, А.Я.Гуревича, Ю.Н.Давыдова, А.Б.Зыковой, Ю.А.Кимелева, Е.М.Коваленко, Н.С.Мотрошиловой, А.М.Руткевича, В.А.Подороги, Г.М.Тавризян и других исследователей освещены различные аспекты западной антропологической мысли.